

ТВОЕ ИМЯ
НА МОИХ
КОСТЯХ

ОН НЕ ИЩЕТ СВОБОДЫ.
ОН – ПРИГОВОР.

МАРА ВРАН

18+

Мара Вран

Твоё имя на моих костях

«Автор»

2026

Вран М.

Твоё имя на моих костях / М. Вран — «Автор», 2026

Элира Вэнн — идеальный охотник. Хладнокровная, расчетливая, беспощадная. Она выслеживает оскверненных магов и отправляет их в Колодцы — лагеря смерти за стеной Мореган. Она носит амулет, подавляющий магию в её собственной крови, и ненавидит ту часть себя, которая жаждет вырваться на свободу. Но когда её брата, профессора Ардена Вэнна, находят с перерезанным горлом в запертой лаборатории, а рядом загадочный символ, Совет приказывает ей взять в напарники Ареса — беспощадного охотника, пять лет гниющего в подземной тюрьме за массовое убийство. Того, кто умеет говорить с костями мёртвых. Того, кто называет магию лекарством, а не болезнью. Того, от кого шарахаются даже палачи. Но чем ближе она к истине, тем громче стучится магия изнутри. Тем сильнее притяжение к мужчине, который видит её насквозь. И тем страшнее вопрос: что, если Мореган — не стена, защищающая человечество? Что, если это тюрьма, а они — ключи к её воротам? «Мы не враги, Элира. Мы — две половины одного проклятия».

© Вран М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Осквернённый	5
Глава 2 Ложь Совета	11
Глава	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мара Вран

Твоё имя на моих костях

Глава 1. Осквернённый

Ульен, Верхний город.

Небо над Ульеном было безупречным.

Элира Вэнн стояла на смотровой площадке шестьдесят второго этажа башни «Иридиум» и смотрела вверх, на купол. Он простирался над всем Верхним городом. Идеально гладкий, прозрачный, толщиной в три метра закалённого стекла с вплавленными нитями адамантия, окружённый по краям силовыми генераторами, которые гудели на частоте, чуть ниже слухового порога. Этот гул ощущался кожей, как постоянное, монотонное давление, напоминание о том, что ты находишься внутри гигантской машины, а не под открытым небом.

Купол был не просто крышей. Он - символ. Граница между мирами. Те, кто жил под ним: элита, чиновники, учёные, финансисты, не видели настоящих облаков уже три поколения. Да и зачем? Там, за куполом, небо было серым, вязким от промышленных выбросов и магического фона. Здесь, внизу, воздух перегонялся через тысячи фильтров. Он пах озоном, лавандой и холодным металлом. Чистота, доведённая до стерильности.

Элира ненавидела этот запах.

Впрочем, она ненавидела многое. Но главное — магию.

Она поправила воротник кителя — белоснежного, с серебряными пуговицами и нашивкой Управления Фильтрации: стилизованная решётка, перечёркнутая мечом. Символ её власти. Символ её клетки. Под тканью, на уровне солнечного сплетения, висел амулет, овальный камень размером с крупную монету, похожий на застывшую каплю чёрной смолы. Внутри него, если присмотреться, шевелились микроскопические золотые искры — подавленная магия, которая принадлежала ей по рождению и которую она ненавидела всей душой.

«Носи с честью», — сказал ей куратор в день посвящения десять лет назад. «Ты — щит между порядком и хаосом».

Хаос. Так они называли магию.

Элира знала правду. Магия не была ни даром, ни проклятием. Это была болезнь. Черви, которые прорастали в крови, разъедали разум, заставляли тебя видеть то, чего нет, слышать голоса мёртвых и чувствовать чужую боль как свою.

За куполом находился Мореган — таинственная стена, возведённая Древними. Он сдерживал эту болезнь на границах цивилизации, но внутри городов магия всё равно прорывалась, сочилась сквозь трещины в камне и бетоне, как чёрная нефть. Рождались Осквернённые. Те, в ком болезнь брала верх, чья плоть начинала жить собственной волей, меняя форму без спроса. Их отправляли в Колодцы, лагеря за пределами купола, где они доживали свой век, медленно сходя с ума под присмотром безмолвных стражей в чёрных рясах, которых звали Пожирателями шёпота. Никто не знал, кто они на самом деле — люди или порождения самой стены. Они не говорили, не ели и не спали; их лица скрывали глубокие капюшоны, а в руках они держали длинные посохи, увенчанные тусклыми кристаллами. Кристаллы загорались только ночью, ровным жёлтым светом. Поговаривали, что Пожиратели шёпота не столько охраняют Осквернённых, сколько слушают их. Записывают, что шепчут обезумевшие уста, когда луна исчезает за тучами. И каждую новую луну из Колодцев вывозили тела, похожие на исписанные пергаменты. Их переправляли в Башню Архивов, в самое сердце Морегана. Туда, где даже Архивариусы боялись заглядывать без благословения.

Элира как раз выслеживала тех, в ком проявлялась магия.

Она щёлкнула передатчиком на запястье. Экран засветился слабым голубым светом.

— Докладываю: «Ищейка» на объекте. Седьмой сектор, площадь «Солнечных часов». Визуальный контакт есть. Жду подтверждения от «Карающей длани».

— Принято, — прохрипел динамик голосом диспетчера. — «Длань» на подходе. Три минуты.

Элира убрала передатчик и снова посмотрела вниз.

Площадь «Солнечных часов» была сердцем Верхнего города — огромное круглое пространство, вымощенное белым мрамором с инкрустированными золотыми линиями, которые образовывали гигантский циферблат.

В центре площади возвышалась стела из чёрного обсидиана. Единственная тень, которую отбрасывал искусственный свет прожекторов. Вокруг стелы, по кругу, стояли двенадцать хрустальных скульптур, изображавших Древних Героев, тех, кто построил Мореган и подарил человечеству спасение. Их лица остались намеренно незавершёнными: без глаз, без губ, без намёка на возраст или эмоции. Лишь гладкая, словно отполированная волной, галька, будто скульптор остановился в нерешительности, не смея дать героям черты, которые могли бы оказаться ложными. Этот приём был символом того, что герои не принадлежат времени — ни прошлому, ни будущему. Но была в этой недосказанности и другая, более тревожная мысль: тот, кто попытается дополнить лица, рискует стереть собственную память. Говорили, будто по ночам, когда прожекторы гасли, у скульптур проступали смутные черты — лица тех, кто когда-то осмелился подойти слишком близко и взглядеться в пустоту.

Внизу текла жизнь. Мужчины в длинных белых пальто с высокими воротниками (униформа высших кланов) несли портфели из полированной меди. Женщины в платьях из мерцающего шёлка, с диадемами на головах, пили кофе из фарфоровых чашек на открытых террасах ресторанов. Дети с механическими игрушками — тонкостенными андроидами-птицами, бегали вокруг фонтана, который бил жидким серебром.

Всё было красиво. Всё было фальшиво. Под ногами, глубоко под мраморными плитами, лежали трубы города-близнеца — Нижнего Ульена, где не было купола, где смог ел глаза, а вода продавалась за медные жетоны. Но об этом не принято было говорить.

Элира заставила себя сосредоточиться.

Она видела его. Осквернённого.

Он прятался в тени ресторана «Ирис», за мусорными контейнерами из нержавеющей стали рядом с кухонным выходом. Был одет в рваное серое пальто, явно не из Верхнего города. Слишком грубая ткань и слишком много заплат. Лицо скрывал тряпичный респиратор. Но Элира знала, что под ним — глаза. Не обычные. Синие, без зрачков, «магическая слепота», верный признак того, что болезнь зашла слишком далеко.

В воздухе, в нескольких метрах от неё, витал запах. Сладковатый, маслянистый, тошнотворный, будто кто-то смешал ладан с ржавчиной и оставил на солнце. Это был запах магии. Не такой, как у подавителей в участке, а резкий, химический. Настоящий. Дикий. Запах гниющих цветов и старой крови.

Амулет под кителем дёрнулся. Нагрелся. Камень на груди пульсировал, сжимался, впиался в кожу, напоминая: я здесь. Я держу тебя. Ты не сорвёшься.

Элира зажмурилась на секунду. Глубокий вдох. Выдох. Руки едва заметно дрожали, но она чувствовала эту дрожь каждой клеткой тела. Внутри неё, глубоко за рёбрами, что-то ворочалось. Тёмное, древнее, голодное. Оно нюхало воздух. Оно *узнавало* запах собрата.

Только не сейчас. Только не здесь. Держи себя в руках.

Она открыла глаза и нажала кнопку на передатчике.

— «Длань», докладываю координаты. Объект у ресторана «Ирис», за контейнерами. Действуем по протоколу «Решётка».

— Принято.

Элира спрыгнула с площадки.

Сорок метров вниз. Восемь секунд свободного падения. Она приземлилась на крышу соседнего трёхэтажного магазина с глухим стуком, амортизированным встроенными в ботинки гидравлическими пластинами. Ещё прыжок. Перекат. Она двигалась беззвучно, зверь, а не женщина. Каждое движение было отточено тысячами тренировок. Белый плащ с синими нашивками развевался за ней, как крылья.

Она выскользнула из тени переулка за три метра от контейнеров.

Осквернённый дёрнулся. Он почуял её — не глазами, не ушами, а той же проклятой магией, что была заперта в ней. Поднял руку. Между пальцев заискрилась фиолетовая дуга, воздух зазвенел, запахло горелым озоном.

— Не надо, — сказала Элира спокойно. — Ты в Верхнем городе. Ты нарушил протокол. Твой срок — пожизненное подавление в Колодцах.

— Они убьют меня! — закричал он. Голос был сиплым, срывающимся. — Ты не понимаешь! Мореганжирает души! Он не стена — он тюрьма! Тюрьма для нас! Я читал молитвы Древних — те, что в запретных свитках. Они спасают! Ты можешь спастись! Ты тоже

Он не договорил. Элира резко шагнула вперёд. В её глазах не было жалости, только холод.

— Последнее предупреждение.

— Проклятие! — взвыл он. — Проклятие на вас, стервятники! На Мореган! На этот гнилой город!

Вместо ответа он взорвался светом.

Фиолетовая волна ударила из его груди, разрывая пальто, обнажая иссечённую шрамами кожу с пульсирующими рунами. Элира не успела уклониться. Воздух схлопнулся вокруг неё, сжал грудную клетку, швырнул в стену. Грохот. Звон разбитого стекла. Боль в спине — тупая, расплывающаяся.

Она вскочила, но ноги подкосились.

Изнутри, из самой глубины души, поднялось тёмное, горячее, неконтролируемое. Руки задрожали. Кончики пальцев заледенели. Амулет взбесился, он буквально горел, камень накалился до того, что прожёт рубашку и начал жечь кожу. Элира почувствовала, как внутри закипает ответ. Желание ударить. Разорвать. *Показать этому червю, кто здесь настоящий монстр.*

Она закусила губу до крови. Рванула плащ. Метнула нож.

Лезвие вошло осквернённому в плечо по самую рукоять. Он взвыл, но магия в руках не погасла. Фиолетовые дуги заметались по его телу змеями. Он собирал воздух в комок, чтобы нанести последний, смертельный удар.

Элира сжала кулак.

В ту же секунду из соседних зданий вылетели арбалетные болты с иглами подавителя. Пять штук. Все в спину и ноги мужчины. Он дёрнулся, выгнулся дугой и рухнул на мраморные плиты, рассыпая вокруг себя тонкой пылью тлеющую магию.

— Чисто, — выдохнула Элира, убирая руку от кобуры.

К ней подбежали трое в белых шлемах с красными визорами «Карающая длань». Один надел на Осквернённого стальной ошейник-подавитель. Тот зашипел, забился, когда шипы впились в шею, вгоняя дозу нейтрализатора.

— Живучий, гад, — заметил один из бойцов, пиная мужчину ногой. — С такой силой полгода протянет, может и больше

— Увести, — отрезала Элира. — В Колодцы, без протокола.

Она развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. В груди горело. Под кителем, на коже, амулет оставил ожог в форме полумесяца, пульсирующий болью. Элира расстегнула верхнюю пуговицу, запустила руку под ткань и коснулась камня. Он был горячим, почти обжигающим. Она сжала его в кулаке.

Я ненавижу тебя. Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу.

Она ненавидела не столько магию. Она ненавидела себя за то, что сдерживается. За то, что боится. За то, что каждый раз, когда чувствует запах Осквернённого, внутри неё просыпается *что-то*, что хочет вырваться на свободу. На автопилоте она добралась до участка.

— Инспектор!

Голос вырвал её из мыслей. Она подняла голову. Сержант Лейн, грузный мужчина лет пятидесяти, с вечным пятном кофе на воротнике, стоял в дверях участка. Лицо у него было белое, как молоко.

— Инспектор, — повторил он, и голос его дрогнул. — У нас срочное происшествие.

— Ещё один Осквернённый? — устало спросила она. — У меня был долгий день.

— Нет, — он замялся. В руках у него был белый почтовый конверт Управления с красной печатью «Чрезвычайного кодекса». Такие вскрывали только при прямом приказе Магистра-Куратора. — Найден труп. В университете «Астера». Лаборатория алхимии и теоретической артефактики. Жертва — профессор Арден Вэнн.

Элира почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Арден? — переспросила она. Голос прозвучал неестественно тихо. — Арден Вэнн? Мой брат?

— Да, — сержант опустил взгляд. — Горло перерезано. Эксперты сказали, что это чистый, профессиональный разрез. И ещё — он запнулся. — На месте преступления вырезан символ. Спираль, покрытая пеплом. Мы таких раньше не видели. Семь витков, закрученных вправо. Рядом с ней что-то написано. Древний язык. Наши переводчики разбирают. Но это не похоже на обычное убийство. Это ритуал.

Элира не слышала его слов. Она бежала.

Плечом сбила с ног какого-то клерка, перепрыгнула через перила на третий этаж, пронеслась мимо комнаты допросов. Стекланные стены участка, тонированные, с подсветкой, проносились мимо. Потолки здесь были высокими, с золотыми лепными узорами, с кристалльными светильниками, излучавшими мягкий, успокаивающий свет. Но для Элиры весь этот мир сузился до одной точки. Университет. Лаборатория. Арден.

Она ворвалась в вестибюль, где её уже ждали двое конвоиров в белых шлемах.

— Инспектор Вэнн, сюда. Мы проводим вас.

Машина — аэротакси Управления, чёрное, с мигающим синим маячком — домчала их до университетского кампуса за три минуты. Ульен летел за окном: башни из белого мрамора, зелёные парки с идеально подстриженными живыми изгородями, мосты из тонкого кружевного металла. Чисто. Красиво. Мёртво.

«Астера», главный научный центр Верхнего города, возвышался на холме. Белое здание в форме перевёрнутой пирамиды, с огромным хрустальным шаром на вершине, внутри которого, как говорили, хранился осколок Морегана для исследований. Элира никогда не была внутри. Арден работал здесь последние пять лет, но она принципиально не пересекалась с ним на работе.

Слишком опасно. Слишком много вопросов.

Она вбежала по мраморной лестнице, миновала пост охраны, пронеслась по длинному коридору и остановилась перед дверью в лабораторию 7-А.

Дверь была открыта.

Изнутри пахло железом. Свежая кровь.

Элира толкнула створку и шагнула внутрь.

Лаборатория была огромным помещением круглой формы. Стены из белого камня с тонкими прожилками золота. Потолок — стеклянный, сквозь него лился синеватый свет прожекторов купола, создавая эффект лунного сияния. Стеллажи с книгами, старыми, в кожаных переплётах, с золотым тиснением, тянулись до самого верха. На столах — реторты, мензурки,

колбы с разноцветными жидкостями, которые слабо светились в полумраке. На стенах — карты звёздного неба, схемы древних артефактов, портреты основателей Ульена.

И на полу, в центре всего этого великолепия, лежал Арден.

Элира почувствовала, как комок подкатывает к горлу.

Он был в белой рубашке. Она пропиталась кровью, стала тёмно-бордовой, почти чёрной. На горле был жуткий разрез. Профессиональный. Один взмах — и всё. Глаза открыты, устремлены в потолок. В них застыло выражение боли и удивления. Будто он увидел нечто, чего не ожидал.

Элира упала на колени рядом с ним.

— Арден — прошептала она. — Брат прости прости меня

Она протянула руку и коснулась его ладони. Кожа была ещё тёплой. Совсем чуть-чуть, на грани остывания. Час. Может, два. Она опоздала на час. Если бы она не задерживалась с тем Осквернённым если бы не мешкала

В тот же миг амулет на груди взорвался огнём.

Не просто нагрелся — *вспыхнул*изнутри. Камень впился в кожу, разрывая рубашку, разрывая плоть. Элира закричала. Скорее от неожиданности, чем от боли, хотя боль была дикой, выворачивающей наизнанку.

Вокруг неё завибрировал воздух. Он стал плотным, как вода. По нему пошли круги как от брошенного камня. Элира увидела сквозь пространство, сквозь стены, сквозь время тонкие золотые нити, пульсирующие в такт биению мира. Они тянулись от тела Ардена куда-то вверх, к стеклянному потолку. Магия. Чистая, концентрированная, тугая.

И она всё ещё была здесь.

— *Мореган Ты чувствуешь его?* — прошептал голос внутри неё. Тот самый, тёмный, древний, голодный. — *Он здесь. Он был здесь. Он ждёт тебя.*

Элира отёрнула руку, тяжело дыша. Посмотрела вниз.

Возле головы Ардена, прямо на каменном полу, был вырезан символ. Спираль, закрученная вправо, семь идеальных витков, начиная от центра, где лежала голова её брата. Ни крошки камня вокруг, словно её выжгли лазером или пальцем. И она была засыпана черным пеплом.

— Что это? — спросила она хрипло у одного из экспертов, который стоял в углу с планшетом.

— Символ из Книги Печатей, — ответил тот. — Мы расшифровали часть текста под ним. Это молитва. На древнеаренском. В переводе звучит как «Пусть вернётся домой тот, кто спит в пепле».

Элира смотрела на спираль. Она шевелилась. Ей не казалось. Линии рисунка медленно, едва заметно вращались в обратную сторону.

И внутри, глубоко под рёбрами, что-то ответило. Тёплой волной. Узнаванием.

— Мореган — выдохнула она. — Этот кошмар продолжается.

Амулет на груди догорел. Камень потускнел, стал холодным. Но на коже остался ожог, не в форме полумесяца, как раньше, а в форме спирали. Семь витков. В точности как на полу.

Элира медленно поднялась на ноги. Пальцы сжались в кулак, побелели костяшки. И впервые за последние десять лет в её груди не было страха. Только ледяная, кристально чистая ярость, острая, как осколок стекла, застрявший в горле.

Что-то было рядом. Она это чувствовала каждой клеткой, каждой израненной частицей своего существа. Запах озона, металла и старой крови. Чей-то след, ещё горячий, пульсирующий в воздухе, как остывающий мотор.

— Я найду, кто это сделал, — сказала она, поворачиваясь к эксперту. Голос звучал низко, глухо — будто сама тьма заговорила его губами. — Я чувствую его. Он здесь. Был здесь. Только что.

Эксперт побледнел, отшатнулся.

— И он заплатит за всё.

Она вышла из лаборатории, не оглядываясь.

В коридоре было тихо. Сотрудники университета замирали, глядя на неё со страхом и жадным любопытством. Она прошла мимо них, как призрак: белый плащ, прокусанная от потрясения губа, ожог под тканью, пульсирующий в такт сердцу.

В груди горела спираль.

Тьма в коридоре сгустилась. Лампы мигнули раз, другой — и погасли на три секунды. Тишина стала вязкой, липкой, как патока. Никто не шелохнулся.

А потом свет зажёгся снова.

И Элира стояла в центре пустого коридора — одна, но с ощущением, что кто-то невидимый стоит за её спиной, дышит в затылок. Она не обернулась. Просто улыбнулась уголками губ — жестоко, смертельно, *обещающе*.

— Ты хотел, чтобы я пошла за тобой? — прошептала она в пустоту. — Ты это получил.

На улице, под стеклянным куполом Верхнего Ульена, зажглись вечерние огни. Но впервые за много лет они показались ей не защитой, а декорацией. Стерильный, безопасный город готовился к ночи.

А под его сияющими фасадами, в тени, куда не доставали прожекторы, уже расплзлась тьма.

И Элира Вэнн, охотница на магов, ищейка Управления Фильтрации, шагнула в эту тьму — с одной мыслью, пульсирующей в такт раскалённой спирали на груди:

Я найду тебя. Даже если мне придётся сжечь этот город дотла.

Глава 2 Ложь Совета

Башня Совета Семи не имела общепринятого названия. Простолюдины между собой окрестили её «Кукольным домом». И в этих словах скрывался трепет, граничащий с ужасом, который передавался из поколения в поколение.

Элира стояла перед входом уже пять минут, но не решалась войти. Стеклопакеты высотой в три человеческих роста, отражали её белую как снег фигуру на фоне чёрного мрамора площади. В отражении она видела себя со стороны: осунувшееся лицо, синяки под глазами от очередной бессонной ночи.

На нижней губе темнел след от укуса — неровный, припухший, с запёкшейся кровью по краю.

Несколько непослушных прядей выбивались из стянутых в тугий пучок волос. Китель был всё ещё в пятнах крови Ардена. Они уже почернели и въелись в ткань. Отдавать его чистить «Бельевой гильдии» она пока не собиралась.

«Профессионально, ничего не скажешь, — подумала Элира с горькой усмешкой. — Являться на Высочайший Совет в таком виде — верх неуважения. Надеюсь, меня не лишат звания».

Она толкнула дверь.

Вестибюль Башни был пуст. Абсолютно.

Огромное пространство, круглое, диаметром не меньше ста метров, уходило вверх на двенадцать этажей. Каждый из них был с балконом-галереей, увитой живым плющом. Но не зелёным, а белым — альбиносным, выведенным в закрытых лабораториях Верхнего города. Листья светились слабым фосфоресцирующим светом, создавая иллюзию звёздного неба на стенах.

Пол был из чёрного полированного лабрадорита, добытого в шахтах Смердящей Пустоши.

Он был гладким, как лёд, и холод пробирал даже сквозь подошвы массивных сапог.

Если присмотреться (а она не могла не присмотреться — взгляд сам прикипал к полу), в камне шевелились золотые искры. Они двигались по определённым траекториям, словно крошечные рыбы в чёрной воде. Иногда искры собирались вместе, складывались в символы или лица, искажённые, застывшие в крике, а затем рассыпались, чтобы через миг вновь собраться снова. «Скованная магия» в действии.

Свет перетекал со стены на стену, и казалось, что ты стоишь внутри гигантского ночного неба, где вместо звёзд — души тех, кто когда-то вошёл сюда и не вышел.

Где-то на грани слышимости гулял низкий гул, похожий на голос органа в заброшенном соборе. Элира замерла, прислушиваясь, и через мгновение звук угас и растворился в тишине. Она знала, что это всего лишь слуховая галлюцинация. Белый плющ, увивающий галереи, выделял споры, которые оседали на слизистой и проникали в кровоток. Растение питалось страхом и создавало иллюзии: подбирало звук, который мог выбить из равновесия именно тебя. Для кого-то это был детский плач, для кого-то — звон цепей. Для неё — орган.

Элира никогда не рассказывала эту историю вслух. Даже себе — только обрывками, только в те ночи, когда сон не шёл и тишина становилась слишком давящей.

Ей было семь, когда мать впервые взяла её с собой на церемонию Открытых Врат.

Это был тайный ритуал, который проводился раз в три года в подвалах Старой Ратуши. Туда пускали только посвящённых — женщин из древних родов, хранящих кровь провидцев. Элиру взяли как приемницу.

В подвале было темно и сыро. Пахло воском и старыми травами. В центре круглого зала стоял ритуальный орган, сложенный из костей тех, кто ушёл во Врата и не вернулся. Клавиши были сделаны из позвонков, трубы из берцовых костей, а мехи сшиты из человеческой кожи.

Мать посадила Элиру на колени перед алтарём и сказала:

— Сейчас ты услышишь голос нашего рода. Не бойся. Он звучит только для тех, кто готов.

Женщины зажгли чёрные свечи и начали горловое, тягучее пение без слов. Одна из них села за орган и положила пальцы на костяные клавиши.

Орган зазвучал.

Но это был не звук в привычном понимании. Это была волна. Она прошла сквозь Элиру, проникая прямо в грудь и живот. Девочка почувствовала, как её тело вибрирует, как кости отзываются на частоту, как кровь ускоряется, пытаюсь подстроиться под ритм.

А потом перед ней распахнулась стена Реальности, и в проёме стояли ОНИ. Прозрачные силуэты, сотни, тысячи — все женщины её рода, все, кто жил до неё, все, кто ушёл через Врата. Они смотрели на неё пустыми глазницами и тянули руки. Их губы шевелились беззвучно, но Элира *слышала* шёпот. Тысяча голосов звали её по имени, переплетались, вплетались в гул органа, становились одной бесконечной, давящей нотой.

Она закричала.

Мать зажала ей рот ладонью и прошептала на ухо:

— Не смей. Если ты ответишь им, они заберут тебя. Никогда не отвечай органу.

Церемония закончилась. Элиру вынесли на руках. У неё три дня держалась температура, а в ушах не стихал этот низкий, вибрирующий гул. Врачеватель сказал: «нервное потрясение». Мать ничего не объяснила.

Но с того дня Элира знала: орган — это не инструмент. Это портал. Это голос тех, кто застрял между мирами. И если он звучит, значит, кто-то с той стороны пытается до тебя добраться.

Мать погибла через два года. Её нашли в подвале Старой Ратуши, сидящей за органом. Её пальцы вжались в клавиши. Лицо у неё было спокойное, но глаза застывшие. Врачи сказали — инсульт. Но Элира знала правду. Мать ответила органу.

С тех пор Элира затыкала уши всякий раз, когда слышала низкие частоты. Она обходила стороной церкви, да и вообще все старые здания с высокими потолками, если не было необходимости по службе.

Она научилась не слышать.

Но Башня узнала её страх.

И орган зазвучал снова.

Плющ на галереях дрогнул. Несколько бледных листьев повернулись в её сторону, словно слепые глазницы, угадавшие присутствие живого человека. Элира подняла голову, провожая их взглядом, и снова услышала гул. На этот раз громче и настойчивее. Она зажмурилась, сосредоточилась на дыхании, и звук отступил.

"Споры. Всего лишь споры," — шептала она, надеясь не податься на провокацию. Девушка сглотнула, чувствуя лёгкое жжение в горле, и шагнула вперёд.

В центре вестибюля стоял длинный, из цельного куска янтаря стол, с прожилками, образующими точную карту материка. Реки, горы, города — всё было вырезано с пугающей точностью, будто сама природа запечатала их в смолу. Вокруг стола возвышались семь кресел. Пустых. Они стояли, как семь престолов в ожидании судей, готовых вынести приговор. Тишина была настолько осязаемой, что инспектор слышала стук собственного сердца — быстрый, тревожный, как у загнанного зверя.

Элира подошла ближе. Её шаги отдавались эхом, многократно усиленным акустикой зала. Каждый шаг звучал как удар молота.

— Инспектор Вэнн, — раздался голос откуда-то сверху. Мягкий, грудной, с лёгкой хрипотцой. — Проходите. Мы ждали вас.

Элира подняла голову.

На верхней галерее, опершись на перила из белого нефрита, стояла женщина. Она была одета в длинное платье цвета слоновой кости с высоким воротником, закрывающим шею до подбородка. Ткань струилась, как вода, переливаясь перламутром при каждом движении. Лицо — безупречное, с точёными скулами, высоким лбом, тонкими губами.

Кожа — фарфоровая, без единой морщины и без единой поры. Искусственная. Ненастоящая. Такая, какой не бывает у живых людей после ста лет.

Глаза — светло-серые, почти прозрачные, с вертикальными зрачками, как у змеи.

Но виски белые, как снег, резко контрастирующие с тёмными, цвета воронова крыла, волосами, собранными в сложную, почти архитектурную причёску с золотыми шпильками. Каждая шпилька ручной работы, с крошечными рубинами на концах, которые, казалось, пульсировали в такт биению сердца. Серые виски — единственная трещина в броне её совершенства. Единственная улика, что она — не богиня, не голограмма, а существо из плоти и крови, которая когда-то тоже знала боль.

Лисандрия. Глава Совета Семи Правителей. Бессмертная. Старейшая из живых. Никто не знал её истинного возраста.

Говорили, она помнила времена до Морегана. Помнила мир, где магия была свободной, как дикий зверь, и убивала каждого, кто осмеливался её приручить. Помнила города, которые канули в пески, и имена, которые стерлись из учебников истории.

Элира почувствовала, как под её взглядом зашевелились волоски на затылке. Казалось, этот взгляд сканировал, проникал под кожу, читал мысли, выискивал слабости.

— Поднимитесь, — произнесла Лиссандра, жестом указывая на винтовую лестницу, уходящую вверх. Её пальцы, унизанные перстнями с крупными бриллиантами, описали дугу в воздухе, и на миг Элире почудилось, что за ними остался серебристый след, как от остывающей молнии. — Мы ждём вас в Зале Сердца.

Элира подчинилась.

Лестница была узкой, без перил, с высокими ступенями из пористого камня, которые скользили под ногами, словно были покрыты тонкой плёнкой жира. Каждый шаг отдавался в висках тупой болью, пульсирующей в такт с амулетом на груди. Он вибрировал — слабо, но настойчиво, как предупреждение. Амулет чувствовал магию этого места. Оно было пропитано ею — воздух, стены, сам камень дышали древней силой. Элира ощущала её кожей: лёгкое покалывание, электрическое напряжение, от которого волосы на руках вставали дыбом.

Дверь открылась бесшумно, она шагнула внутрь и замерла на пороге, поражённая.

Это была круглая комната без окон, абсолютно лишённая естественного света. Единственным источником сияния был центральный объект — огромный кристалл, размером с человеческую голову, парящий в метре над полом. Он был чёрным, как сама бездна, но внутри него пульсировали алые искры — ритмично, как живой организм, заключённый в каменную тюрьму. С каждым биением комната на миг озарялась багровым светом, а тени на стенах плясали жуткий танец. Кристалл трепыхался в унисон с пульсом Элиры — или ей только казалось? Он висел на цепях из белого золота, уходящих в потолок, которые терялись в темноте, и цепи эти слабо позвякивали, будто от дыхания невидимого великана.

Вокруг кристалла, по кругу, стояли семь кресел. Шесть из них были заняты.

Элира узнала их всех. Каждое лицо было ей знакомо по досье, по слухам, по страшилкам, о которых шептались оперативники в курилках.

Один из них был древний, худой старик, закутанный в плащ из золотой парчи. Он висел на нём мешком, но золотой цвет ткани выдавал принадлежность к Высшему Сословию. Мор-

щины бороздили его лицо так густо, что кожа напоминала пергамент, свёрнутый и развёрнутый сотню раз. Это был Верховный Магистр, Хранитель Архивов.

Он сидел, сгорбившись, пальцы с жёлтыми ногтями сжимали подлокотники, а мутные, бельмастые глаза смотрели сквозь Элиру. Говорили, он помнит каждое слово, когда-либо написанное на материке, и стирает из истории тех, кто ему не угодил.

Женщина с механической рукой это скорее всего Командор Стальных Легионов. Её левая рука от плеча была заменена на полированный агрегат из черненой стали и золотых сочленений, который мягко шипел при каждом движении. Пальцы сжимались и разжимались в такт её дыханию, готовые в любой момент сомкнуться на чьем-то горле.

На запястье, прямо над суставом, тускло мерцали четыре синие искры — индикаторы заряда. Две из них уже погасли.

Элира заметила на её поясе новейший парализатор. С виду — обычный цилиндр из тёмного сплава, но, по слухам, одного разряда хватало, чтобы вырубить целый взвод. Такой она видела только на закрытых презентациях в военном департаменте.

На предплечье механической руки, чуть выше локтя, были выгравированы три имени. Разными почерками. Элира невольно задержала взгляд — и тут же отвела. Потому что догадалась: это не трофеи. Не враги. Это те, кого она не смогла спасти. Командор носила их на своей железной длани, как напоминание.

Женщина перехватила её взгляд и чуть заметно наклонила голову — металлические сочленения коротко клацнули, и Элира поспешила отвернуться.

О том, как Командор потеряла руку, ходили разные слухи. И каждый был страшнее предыдущего.

Одни говорили, что это случилось во время подавления бунта в Нижних Казармах. Что какой-то обезумевший алхимик, загнанный в угол, выплеснул ей в лицо кислотную субстанцию — и она закрылась рукой.

Плоть разъело до костей. Руку пришлось ампутировать по плечо. Говорили, она сама отдала приказ: «Режь выше. Живо». И не проронила ни звука, пока хирург пилил кость.

Другие болтали, что руку она потеряла не в бою. Что это было наказание. Якобы она нарушила приказ Верховного Совета — отпустила пленного, который оказался её братом. И в качестве расплаты ей предложили выбор: палец, кисть или всю руку до локтя. Она выбрала сама. И наблюдала за процедурой с каменным лицом, чтобы никто не посмел сказать, что Командор Стальных Легионов плачет.

Но был третий слух, самый жуткий. Его передавали шёпотом, в тёмных углах, оглядываясь через плечо.

Говорили, что она не *потеряла* руку. Что она её *обменяла*.

Якобы в катакомбах под Старой Башней, на глубине, куда не ступала нога живого солдата, она встретила нечто. Не человека. Не тварь. А существо, которое называло себя Прядильщицей Судеб. И эта Прядильщица предложила сделку: живую плоть за сталь, которая никогда не устанет. Которая не знает боли. Которая сможет сражаться не уставая.

И Командор согласилась.

Говорят, она сама протянула левую руку, и Прядильщица отсекла её одним движением — без крови и без крика. Просто отделила, как сухую ветку. А на её место прикрепила механический протез.

Элира покосилась на чёрную сталь, мерцающую золотыми сочленениями, и подумала: из всех трёх историй самая безумная — третья. Но почему-то именно сейчас она казалась ей самой правдивой.

Рядом с ней вальяжно расположился мужчина в маске без рта. Верховный Алхимик.

Серебристый овал, идеально гладкий, без единой заклёпки или шва, облегал его лицо, как вторая кожа. Только две узкие вертикальные щели прорезали металл на уровне глаз —

и оттуда, из темноты, на мир смотрели два чёрных, как обсидиан, зрачка. Они не моргали. Совсем. Создавалось жуткое ощущение, что они вообще не принадлежат живому человеку.

Он не дышал. Или дышал так тихо, что это пугало ещё больше. Говорили, он избрёл сыворотку, подавляющую магию, и испытывал её на себе. День за днём, неделю за неделей, пока его собственная кровь не перестала искриться. Пока в нём не погас последний отблеск дара. Пока он не стал *пустым*.

Но маску он надел ещё до того. Никто не знал наверняка, что скрывается под серебряным овалом — обожжённая плоть, гладкая кожа или вообще ничего.

Ещё двое за столом приковывали взгляд сильнее, чем все остальные вместе взятые. Близнецы.

Мужчина и женщина — и это было единственное различие между ними. Одинаковый разрез глаз, одинаковый изгиб бровей, одинаковые тонкие губы, сжатые в едва заметную, бескровную улыбку. Одинаковая одежда: чёрные водолазки, глухие, под самое горло, и серебряные жилеты с тускло поблёскивающими застёжками. Они сидели так ровно, что казались приклеенными к стульям. Спины прямые, ладони сложены на столе — левая на правой, правая на левой, в точности как отражение в зеркале.

Их лица. Элира невольно задержала дыхание, когда разглядела глаза. Левый — янтарный, горячий, с золотистыми искорками, словно внутрь залили расплавленный мёд. Правый — ледяной, голубой, до прозрачности светлый, как треснувший лёд на горном озере. И это сочетание — огонь и холод в одной оправе — заставляло невольно отводить взгляд. Слишком неправильно. Слишком неестественно.

Но страшнее всего была их синхронность.

Они не просто сидели напротив друг друга — они двигались как марионетки, подвешенные к одной руке кукловода. Брат чуть наклонял голову, сестра повторяла с точностью до миллиметра. Она поднимала бровь, брат делал то же самое, с той же скоростью. Он моргал, и её веки опускались и поднимались синхронно, будто управляемые единым механизмом.

Элира заметила, что они даже дышат в одном ритме. Грудь поднималась и опускалась одновременно, как два поршня в одном двигателе.

Кураторы Торговли и Информации. Формально — два разных поста. Но поговаривали, что если убрать перегородку между их кабинетами, обнаружится, что они сидят спина к спине в одном кресле. И никогда не спят одновременно: пока она отдыхает, он бодрствует, выпитывая информацию, чтобы передать её сестре через их странную связь, когда та проснётся. Потом спит он.

Кто-то даже утверждал, что у них одно сердце на двоих. Другие клялись, что видели, как они менялись местами во время переговоров — и никто не заметил разницы.

Шестая правительница появилась бесшумно — никто не заметил, когда она вошла. Девочка лет двенадцати, с кукольным лицом и огромными серыми глазами, в которых не читалось ни капли детской наивности. Она была одета в простое серое платье, слишком лёгкое для этого холода, и сидела на стуле, подобрав босые ноги. В руках она держала старую, потрёпанную куклу с оторванной рукой и пуговичными глазами разного размера.

Элира заметила, что все в комнате — Магистр, Командор, Алхимик и близнецы — избегают смотреть в её сторону. Будто её не существовало.

Девочку звали Марта. Поговаривали, что она видит самые тёмные тайны любого человека, и может прошептать их вслух так, что услышат все. Но главное — она никогда не спит. Никогда.

Сейчас Марта не смотрела на Элиру. Она впиалась глазами в пустое кресло Лисандрии. И гладила свою куклу по голове — раз, два, три — будто считала чьи-то последние мгновения.

Сама Глава Совета стояла у кристалла, положив ладонь на его поверхность. Пальцы у неё были длинными, тонкими, с идеальным маникюром. Ногти были покрыты чёрным лаком с

вкраплениями из чистого золота, которые переливались в багровом свете кристалла. Она тоже не смотрела на Элиру.

— Инспектор Вэнн, — произнесла она, не оборачиваясь. Голос её звучал приглушенно, эхом отражаясь от стен, но каждое слово врезалось в сознание, как клеймо. — Присаживайтесь.

Элира осталась стоять. Ноги её дрожали, но она запретила себе садиться. Сядешь — и покажешь слабость. А слабость здесь — смертный приговор.

— Я предпочитаю стоять, ваша светлость.

Лисандрия медленно повернулась. Улыбнулась — едва заметно, одними уголками губ.

— Как пожелаете. — Она сделала паузу, и в этой паузе повисла тяжёлая, давящая тишина. — Мы знаем о смерти вашего брата. Примите наши соболезнования. Арден Вэнн был ценным исследователем.

— Он был моим братом, — отрезала Элира. — И его убили. Я хочу знать, кто это сделал.

— Именно поэтому вы здесь, — кивнула Лисандрия. Она отошла от кристалла и медленно прошла по кругу, касаясь пальцами спинки кресел. Плащ струился за ней, как шлейф тумана. — Мы провели собственное расследование. У нас есть подозреваемый.

— Назовите его имя.

— Имя нам неизвестно. Но известна кличка. — Лисандрия остановилась, повернулась к Элире. В её глазах мелькнула настороженность. — Вепрь. Лидер мятежников-Оскверненных. Он прячется в Нижних Уровнях, в так называемом «Гнилом Зубе» — заброшенном квартале, который Оскверненные превратили в крепость.

Элира нахмурилась.

— Вепрь? Я никогда не слышала о нём.

— И неудивительно. — Лисандрия махнула рукой, и в воздухе материализовалась голограмма — человек. Крупный, широкоплечий, с лицом, скрытым капюшоном. На груди — татуировка: стилизованная голова вепря с горящими глазами. — Он действует в тени уже три года. На его счету — как минимум дюжина убийств. Чиновники. Учёные. Охотники на магов. У него есть информаторы в Верхнем городе. Он знает наши маршруты и наши слабые места.

— И вы хотите, чтобы я убила его?

— Нет. — Лисандрия покачала головой. Голограмма погасла. — Мы хотим, чтобы вы его доставили сюда. Живым. Он нужен Совету. У него есть информация, которая может изменить баланс сил.

Элира почувствовала холодок.

— Информация? О чём?

— О том, кто стоит за смертью вашего брата, — мягко ответила Лисандрия. — Вепрь был последним, кто видел Ардена живым. За час до убийства они встречались в Нижнем городе. Мы перехватили записи камер наблюдения. Ваш брат передал Вепрю какой-то предмет. Свиток. Мы не знаем, что в нём написано, но подозреваем, что именно этот свиток стал причиной его смерти.

Элира почувствовала, как кровь стучит в висках.

— Вы хотите сказать, что Арден сотрудничал с Осквернёнными?

— Мы хотим сказать, что ваш брат был гораздо сложнее, чем вы думаете, — поправила Лисандрия. — И что его убийство — часть более крупной игры. Игры, в которой Вепрь — всего лишь пешка.

Она замолчала, давая Элире время переварить информацию.

— Мы предоставим вам все ресурсы, — продолжила Лисандрия. — Оружие. Снаряжение. Коды доступа к нижним уровням. Команду поддержки. Но есть одно условие.

— Какое?

— Вы возьмете с собой охотника.

Элира замерла.

— Охотника? Я капитан Управления Фильтрации. Мне не нужен напарник.

— Совет не доверяетхм.. такому капитану, — вставил Магистр-Хранитель Архивов, подавшись вперёд. Голос у него был скрипучий, как у старой двери. — Вы слишком близки к этому делу. Личная месть может затуманить рассудок. Нам нужен независимый наблюдатель.

— И кто же этот «наблюдатель»? — спросила Элира, скрестив руки на груди.

Лисандрия улыбнулась — на этот раз шире, обнажив идеально белые зубы.

— Вы его знаете. Вернее, слышали о нём. Его зовут Арес.

В комнате повисла тишина.

Элира почувствовала, как воздух вокруг стал плотным, как вода. Амулет на груди дёрнулся и нагрелся. Имя ударило по нервам, как электрический разряд.

— Арес? — переспросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Тот самый Арес? Безумный охотник, который уничтожил целый квартал в погоне за Осквернённым? Которого посадили в Костяной подвал пять лет назад за массовое убийство?

— Он самый, — кивнула Лисандрия. — Лучший. И самый опасный. Он знает Нижние Уровни как свои пять пальцев. Он охотился на Вепря раньше. Он единственный, кто может предсказать его действия.

— Он безумен, — отрезала Элира. — Он психопат. Он убьёт меня при первой же возможности.

— Нет, — Лисандрия покачала головой. — Он подчиняется приказам. Он должен подчиняться. Мы вживили ему в мозг чип-подавитель. Если он попытается причинить вам вред, мы активируем его дистанционно. Его парализует. И он умрёт в течение тридцати секунд.

— Тогда почему вы не убьёте его прямо сейчас? — спросила Элира. — Зачем держать такого монстра в живых?

— Потому что он нужен нам, — ответила Лисандрия. Её голос стал жёстким. — Так же, как вы нужны нам, инспектор. Война с Осквернёнными не заканчивается. И в этой войне нам нужны монстры. С обеих сторон.

Она замолчала и посмотрела Элире прямо в глаза.

— Вы возьмете Ареса с собой. Это не обсуждается. Или вы принимаете задание — или мы найдем другого капитана. А вас отстраним от расследования смерти брата. Навсегда.

Элира сжала кулаки. Ногти впились в ладони.

— Хорошо, — процедила она сквозь зубы. — Я возьму вашего безумца. Но если он тронет меня хоть пальцем — я убью его. И плевать мне на ваш чип.

Лисандрия рассмеялась — тихо, мелодично, как колокольчик.

— О, я на это и рассчитываю, инспектор. Именно поэтому, невзирая на сомнения остальных правителей, я выбрала вас.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.